

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, СОКРАЩЕНИЕ ЯДЕРНОЙ УГРОЗЫ И ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Встреча с Уильямом Перри

5 февраля 2018 г. в Дипломатической академии МИД России состоялась встреча министра обороны США (1994 – 1997), бизнесмена и общественного деятеля Уильяма **Перри** со студентами, молодыми учеными и преподавателями Дипломатической академии МИД России, МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ, РУДН и других образовательных и научных центров Москвы. Тема встречи: «Российско-американские отношения, сокращение ядерной угрозы и глобальная безопасность». Мероприятие открыли Ректор Академии Евгений **Бажанов** и директор ПИР-Центра Альберт **Зульхарнеев**. Организаторами выступили Дипломатическая академия МИД России в сотрудничестве с ПИР-Центром и фондом «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (NTI).

УИЛЬЯМ ПЕРРИ: Это уже мой 35-й визит в Россию. На этот раз я приехал на мероприятия, посвященные выходу моей новой книги “Мое путешествие по грани ядерной войны» (“My Journey at the Nuclear Brink”). Поэтому очень уместно, что мое первое выступление проходит в Дипломатической академии, поскольку в книге делается акцент на важности дипломатического подхода к решению актуальных проблем. Я написал эту книгу, поскольку я считаю, что наши страны находятся на пороге новой Холодной войны, причем эта война обещает стать еще более опасной, чем предыдущая. Основной посыл книги заключается в том, что сегодня вероятность ядерной катастрофы даже выше, чем во времена Холодной войны. Большинство людей этого просто не понимают. Это относится и к нашему руководству, и поэтому проводимая этим руководством политика не направлена на снижение уровня ядерной угрозы.

Тем из вас, кому не довелось жить в годы Холодной войны, трудно себе представить, насколько эта война была опасной и как страшно было в то время жить. Но всем нам – и русским, и американцам – важно понимать, что наши страны способны превратить друг друга в радиоактивный пепел. Более того, мы можем и всю планету превратить в радиоактивный пепел. Поэтому и на США, и на России лежит особая ответственность за то, чтобы не допустить такой небывалой ядерной катастрофы. Возможно, вам покажется, что я преувеличиваю уровень угрозы, и что настолько безответственные шаги со стороны наших стран крайне маловероятны. Я с готовностью соглашусь, что ни США, ни Россия не вынашивают таких планов. Опасность заключается вовсе не в этом. Опасность на самом деле заключается в том, что наши страны окажутся втянутыми в ядерную войну против собственной воли – из-за каких-то непреднамеренных действий или политического просчета. В своей книге я рассказал о двух случаях на моей памяти, когда я искренне считал, что мы находимся в одном шаге от гибели всей нашей цивилизации. И вы, вполне возможно, даже не подозреваете, как близко мы сейчас вновь оказались к краю этой пропасти.

Я считаю, что мы должны работать над восстановлением дипломатических

усилий. Мы должны начать эффективный диалог между США и Россией по вопросу сокращения ядерной угрозы. В ходе этого диалога нам неизбежно придется обсуждать и вопросы, которые нас разделяют – а их сейчас очень много. Нам придется искать точки соприкосновения по таким вопросам. Как вы понимаете, это всегда нелегко. Но у нас также есть и много общих интересов, особенно в ядерной сфере. И США, и Россия стремятся не допустить ядерных терактов. Обе наши страны стремятся остановить ядерное распространение. Обе они стремятся не допустить ядерной войны.

До того, как я стал дипломатом, я занимался математикой. В математике для решения очень сложных задач применяется метод «разделения переменных». Он заключается в том, чтобы из сложного комплекса задач, которые в данный момент не поддаются решению, вычленили отдельные переменные, т.е. отдельные проблемы, которые можно решить. Применяя такой подход в области дипломатии, нам нужно выделить те переменные, по которым мы уже достигли согласия в ядерной сфере, и конструктивно над ними работать, даже если мы не в состоянии решить некоторые спорные вопросы. Если мы не в состоянии найти решение по некоторым конкретным вопросам, это еще не значит, что ни одна из стоящих перед нами проблем не может быть решена.

Я считаю, что способствовать налаживанию такого дипломатического диалога может более ясное понимание широкой общественностью стоящих перед нами угроз в ядерной сфере. Около пяти лет назад я начал просветительскую программу в этой области.

Несколько лет назад я решил посвятить весь остаток своей жизни сокращению риска ядерной катастрофы. Я не могу сам решить эту проблему, но я могу внести в ее решение посильный вклад. И я сам себе пообещал сделать все от меня зависящее, чтобы моим 11 внукам и внучкам не пришлось прожить свою жизнь так, как жил ее я – под дамокловым мечом ядерной войны. Мне уже 90 лет, но пока у меня остается такая возможность, я буду делать все от меня зависящее, чтобы выполнить свое обещание.

ВОПРОС: Какие шаги можно предпринять для предотвращения ядерной угрозы со стороны КНДР?

УИЛЬЯМ ПЕРРИ: В 1999 у нас уже был кризис вокруг Северной Кореи, и Президент Клинтон меня попросил вернуться на службу (я тогда уже ушел преподавать в Стэнфорде) и стать его представителем на переговорах с КНДР. Я серьезно подошел к изучению сложившейся ситуации, провел встречи с японскими, южнокорейскими, китайскими и российскими дипломатами, и консультировался с ними на тему того, какую тактику избрать на переговорах с Пхеньяном. Мы в итоге пришли к соглашению о том, что Северная Корея откажется от своей ядерной программы и межконтинентальных баллистических ракет, и неформально условились, что эти пункты будут выполнены к 2000-му году. Потом Ким Чен Ир отправил своего главного военного руководителя в Вашингтон. Сперва он приехал в Стэнфорд на встречу со мной, а потом в

Вашингтон на встречу в Биллом Клинтонем. Нам тогда, на мой взгляд, примерно месяц оставался до подписания с Северной Кореей соглашения, по которому она бы отказалась от всех своих ядерных амбиций – причем отказалась таким образом, чтобы это можно было проконтролировать. Та встреча в Вашингтоне состоялась в октябре 2000-го года, а через три недели у нас в США прошли выборы. В Белый Дом пришла новая администрация, которая прекратила все переговоры с КНДР и отказалась от всех усилий в данной области. Но в какой-то момент мы были очень близки к тому, чтобы подписать соглашение, по которому КНДР отказалась бы от своей ядерной программы. В 2000-м году нам почти удалось решить северокорейскую проблему дипломатическим путем. И в переговорах с КНДР я руководствовался принципом, который я рекомендую и вам: Северную Корею нужно воспринимать такой, какая она есть, а не такой, какой мы бы ее хотели видеть. Мы тогда вели переговоры именно на такой основе, и мне кажется, что нам удалось выйти на подписание очень выгодного соглашения.

Но в силу американских внутривластных причин это соглашение так и не было подписано, нам так и не удалось его заключить. С тех пор с КНДР неоднократно велись переговоры с целью вновь выйти на ту точку, которой мы уже достигли в 2000-м году. Примерно до 2007-2008 года мне еще казалось, что шансы на такое развитие событий сохраняются – с той лишь разницей, что новые переговоры велись без особого понимания того, чего именно пытаются добиться сама Северная Корея. Но эти последующие переговоры так ни к чему и не привели. Сейчас у КНДР уже имеется ядерный арсенал. У нее есть 20-30 атомных боеголовок, в том числе несколько термоядерных. У нее также есть 100-200 ракет, в т.ч. несколько ракет большой дальности. На мой взгляд, они от этого ядерного арсенала не откажутся. Дипломатия эту проблему решить уже не в состоянии, и нам теперь с этой проблемой придется жить. Поэтому США, России, Китаю, Японии и Южной Корее придется, прежде всего, сдерживать КНДР с целью не допустить применения имеющегося у Пхеньяна ядерного арсенала – а это вопрос в первую очередь военный, а не дипломатический.

Во-вторых, нам нужна дипломатия для снижения уровня этой угрозы. Но если целью дипломатических усилий ставить отказ КНДР от ядерного арсенала, то этой цели, на мой взгляд, мы не достигнем. Нет никакого смысла пытаться заключать какие-то дипломатические соглашения, если противоположная сторона категорически не готова идти к той цели, которую перед собой поставили вы. Мы сегодня оказались именно в такой ситуации, и ситуация эта очень опасная. Из утешительного здесь можно сказать лишь одно: КНДР не планирует использовать свой ядерный арсенал с целью нападения. В США существуют опасения, что КНДР на нас сбросит атомную бомбу; в Японии опасаются, что КНДР по ним запустит ракету с ядерной боеголовкой – но эти опасения не оправданы. Руководство КНДР не стремится к самоубийству. Им этот ядерный арсенал нужен для защиты. Они хотят иметь инструмент сдерживания против нас. Это положительный аспект ситуации. А отрицательный состоит в том, что мы можем оказаться втянутыми в ядерную войну с КНДР, сами того не желая. Я выступаю резко против любого превентивного военного удара по Северной Корее, потому что именно такая атака и может спровоцировать ядерный ответ со стороны КНДР. Так что мы

сейчас находимся в очень опасной ситуации. Искать дипломатическое решение проблемы, лежащей в основе этой ситуации, уже слишком поздно. Но дипломатия еще может сыграть определенную роль, если мы поведем себя грамотно и, если у нас будет четкое понимание того, чего конкретно мы пытаемся достичь.

ВОПРОС: Считаете ли Вы, что новый подход с упором на «конфронтацию между великими державами», который отражен в нескольких американских оборонных и внешнеполитических документах, переживет администрацию Трампа и будет продолжен в долгосрочной перспективе?

УИЛЬЯМ ПЕРРИ: Мне кажется, что вероятность «конфронтации между великими державами» очень низка, поскольку слишком многое стоит на кону. И все страны, я думаю, это понимают. Но пока сохраняется враждебность – особенно между Россией и США – сохраняется и опасность такой конфронтации. Поэтому первое, на чем нам нужно сконцентрироваться – это снижение уровня враждебности, и добиться такого снижения можно только путем диалога. Сегодня я начал свое выступление с призыва работать над укреплением диалога между США и Россией. Как мы видим, дипломатам пока не удается даже выработать повестку дня для такого диалога. Но вы можете предпринять усилия, чтобы убедить свое руководство в важности диалога. И если вам представится такая возможность, вы должны упорно и эффективно работать над продвижением диалога, направленного на установление более позитивных отношений между нашими странами. Я думаю, все зависит от того, смогут ли США и Россия найти пути снижения уровня враждебности в своих двусторонних отношениях и сократить остроту угрозы. Как ни парадоксально, мне кажется, что наибольшие перспективы здесь открываются именно в ядерной сфере, потому что здесь у нас есть общие цели. Так что если нам удастся сконцентрироваться на общих задачах и поработать вместе над улучшением наших отношений в ядерной сфере, то это не только будет способствовать укреплению международной безопасности, но и создаст основу для расширения такого диалога и на другие сферы.

ВОПРОС: Что Вы думаете по поводу СВПД, и какова вероятность того, что нынешняя американская администрация сохранит приверженность этому соглашению? Существует ли вероятность войны с Ираном?

УИЛЬЯМ ПЕРРИ: Еще до того, как мы столкнулись с иранским вопросом, у меня состоялось три или четыре встречи с лидерами, которые были очень обеспокоены иранской ядерной программой и опасались, что она может привести к катастрофе. В рамках неофициальной «второй дорожки» я несколько раз встречался с иранским министром иностранных дел, а также с иранским советником по вопросам национальной безопасности. Я был уверен, что мы можем прийти к соглашению, и призывал наше правительство работать над продвижением к такому соглашению. Теперь наконец это случилось. Нужно сказать, что сделка оказалось даже лучше, чем мне представлялось возможным, поэтому мои поздравления переговорщикам с обеих сторон. Я считаю, что это эффективная сделка – в частности и потому, что за ней стоит практически весь мир. Россия, Китай, США и ЕС работали сообща, и все они согласились ввести

санкции против Ирана. Это был классический пример успешной дипломатии. Поэтому нужно поздравит все те страны и всех дипломатов, благодаря которым эта сделка состоялась. Я думаю, что им удалось добиться настолько выгодных условий, насколько это вообще возможно. Нельзя сказать, что иранская сделка совершенно лишена недостатков, но совершенных сделок не бывает – такое случается, только если по обеим сторонам стола переговоров сидит одна и та же команда. Я считаю, что нынешние шаги, предпринятые американской администрацией в направлении аннулирования сделки, являются совершенно неоправданными. Мне кажется, сейчас важно сделать все возможное, чтобы сохранить эту сделку в ее нынешнем виде. Если мы откажемся от этой сделки, это станет настоящей катастрофой. Какой-то реальной альтернативы этому соглашению не существует, а остаться вообще без какого-либо соглашения – очень плохая идея. Это будет означать, что мы открываем двери для превращения Ирана через год или два в такую же проблему, какой уже стала Северная Корея. Я призываю дипломатов, которые добились подписания СВПД, сделать все возможное для его сохранения.

ВОПРОС: Что, по Вашему мнению, может остановить распространение ядерного оружия? Каковы надежды на сохранение режима нераспространения, и что могут для этого сделать Россия и США?

УИЛЬЯМ ПЕРРИ: Меня очень беспокоят перспективы нераспространения в эпоху Трампа. В ходе своей предвыборной кампании он несколько раз заявлял, что не против приобретения ядерного оружия Южной Кореей и Японией. Это очень плохая идея. Я думаю, он просто был плохо информирован по данному вопросу, и надеюсь, что после избрания он успел лучше разобраться. Возьмем, к примеру, Японию. Люди, которые говорят, что было бы неплохо, если бы Япония приобрела ядерное оружие, похожи на шахматистов, которые думают только о своем следующем ходе и не способны мыслить на два-три хода вперед. Они не понимают, какова может быть реакция на такой шаг. Если Япония создаст ядерное оружие, то это станет лишь первым звеном длинной цепи. Что станет вторым звеном или третьим? Создание ядерного оружия Южной Кореей? Тайванем? Как отреагирует на создание Японией ядерного оружия Китай? Он ведь не будет за этим просто наблюдать. Как отреагирует Ближний Восток? Это повлечет за собой целый ряд последствий. И в силу всех этих соображений я уверен, что нам нужно делать все возможное, чтобы держать нынешний фронт в сфере нераспространения, не допускать больше никакого распространения и не рассматривать какие-то страны по-отдельности, спрашивая: «А почему бы и нет?». Я надеюсь – хотя уверенности у меня в этом нет – что нынешняя администрация все это понимает, и подобных заявлений она делать больше не будет. Я резко против любого дальнейшего распространения. Нам, наоборот, нужно думать над тем, как решить уже существующие ядерные проблемы.

Я очень обеспокоен тем, что и США, и Россия сейчас занялись модернизацией своих ядерных арсеналов. Тут нельзя винить отдельно ни Россию, ни США – обе страны сейчас идут в этом направлении. Я считаю, что это лишь повлечет за собой огромные ненужные расходы и создаст огромную угрозу как для наших стран, так и для всего мира. В конце 1990-х у нас была возможность сделать решительный шаг в сторону постепенной ликвидации ядерных арсеналов, но

сейчас мы движемся в противоположном направлении. Это крайне неблагоприятная тенденция, и обратить ее вспять будет очень сложно – по крайней мере в ближайшие пару лет. Я сейчас не вижу никаких способов как-то повлиять ни на США, ни на Россию, чтобы убедить их отказаться от наращивания своих ядерных арсеналов.

ВОПРОС: Сейчас нет смысла говорить о скорой денуклеаризации Северной Кореи, Индии или Пакистана. Не следует ли в таком случае добиваться принятия каких-то мер по контролю над вооружениями и повышению прозрачности, чтобы снизить уровень неопределенности относительно ядерных арсеналов этих стран и сделать их более прозрачными?

УИЛЬЯМ ПЕРРИ: Я себе плохо представляю, как мы можем добиться успеха в отношении Пакистана, Индии и Северной Кореи, и как мы будем их убеждать, что им следует отказаться от ядерного оружия, когда и Россия, и США вновь начали усиливать свои собственные ядерные арсеналы. Мы говорим всему миру, что на наш взгляд, ядерное оружие имеет крайне важное значение для нашей собственной национальной безопасности, и мы тратим миллиарды долларов на модернизацию наших ядерных арсеналов. Как мы можем одновременно с этим говорить Индии и Пакистану, что им ядерное оружие не нужно? Это было бы, по меньшей мере, лицемерием, а в худшем случае наши слова никто просто не воспримет всерьез. У нас нет ни моральных, ни логических оснований призывать эти страны отказаться от своих собственных оружейных ядерных программ – несмотря даже на то, что эти программы представляют большую опасность. Это один из кошмарных сценариев, который не дает мне спать по ночам – атомная война между Индией и Пакистаном. Это может стать настоящей катастрофой, причем не только для Индии и Пакистана. Если они применят друг против друга хотя бы половину имеющихся у них ядерных арсеналов, то проблемы с климатом могут возникнуть по всей планете, и особенно здесь, в России. Помимо миллионов жертв в Индии и Пакистане пострадают и все остальные страны. От региональной атомной войны пострадает вся планета. Так что вот такие стоят перед планетой перспективы, но мы движемся совершенно не в том направлении, куда нужно двигаться. И основной причиной этого является нынешняя негативная атмосфера, исходящая от США и России. Мы должны показывать всему миру пример, а мы вместо этого его ведем в неправильном направлении.

Что касается мер повышения прозрачности в качестве первого шага, то я в ближайшей перспективе не вижу на это особых шансов. Фундаментальная проблема, которая лежит в основе враждебных отношений между Индией и Пакистаном – это спор вокруг Кашмира, а перспективы урегулирования этого спора в обозримом будущем не просматриваются. Надеяться можно лишь на создание более прочных экономических отношений между этими двумя странами. Теоретически, если между ними будут созданы прочные экономические связи, то снизится градус напряженности, и они начнут совместно работать в указанном вами направлении. Это, конечно, опосредованный подход к решению очень серьезной проблемы, но прямой подход уже много десятилетий не дает никаких результатов. Подумайте вот над чем: США и Канада – которые приходятся друг другу соседями, так же как и

Индия с Пакистаном – являются близкими партнерами. Объем нашей двусторонней торговли составляет многие миллиарды долларов. А торговля между Индией и Пакистаном практически не ведется. Если стимулировать развитие торговли между этими двумя странами, то это создаст атмосферу, в которой у дипломатических подходов появится больше шансов на успех. Это лучшее, что мы можем сейчас предложить: опосредованный подход к решению очень серьезной проблемы.